

Николай Коняев

Из книги "БЕСПЕЧАЛЬНЫЙ ГОРОД"

/варианты человеческих судеб/

...базе консервации автомобилей
посвящает благодарный автор
эту книгу.

"Говорили, что в обличье
у поэта нечто птичье
и египетское есть;
Было нищее величье
и задерганная честь."

Арсений Тарковский

"Мы Россию никому не отдадим.
Мы ее пропьем лучше."

Николай Ясюкевич

Н. Шадрину

Вы знаете странное состояние, когда в чужих словах узнаете что-то самое сокровенное, самое свое?

Так было. Партнер по столику в станционном буфете, наклонившись над пивной кружкой, рассказывал о беспечальном городе...

Это было нелегкое время, и я редко вспоминаю его. Оно чужое в моей жизни, лишнее в памяти. Помнятся лишь скомканные, торопливые переживания. Терялось тогда все и ничто еще не приходило взамен. Стояла оглушительная пустота. Мертвая зона души. Она есть у Земли, есть и в каждом из нас. Взрыв... и лишь пепел... будничный, серый пепел... А сначала казалось — душа умерла.

Жил я у сестры. Помню уже пересохшие листья в банке на столе... теплый кофейник. Сестра ложилась спать с нагретым, завернутым в одеяльце утюгом. По ночам было холодно.

Целые дни шли дожди... В комнате напротив жила большеглазая девушка. Она гуляла с курсантом из мореходки. Ходить им было некуда, и вечерами после кино они подолгу стояли на крылечке, под навесом. За дощатой переборкой был туалет, и даже вздохи слышались через нее. Дача была густонаселенной. Вспоминать грустно и неловко.

Мой собеседник — сорокалетний парнишка /он называл себя — старый, добрый Коля/ пил пиво и говорил о беспечальном городе... Говорил о взрывпакетах, закладываемых в урны.

Помню и это... На вокзале всегда толпились странные ребяташки. Однажды ко мне подошел один и предложил купить сорок простыней.

— Это что... — прихлебывая пиво, говорил Коля. — Там все

было необыкновенно... — и начал рассказывать о старых кварталах, и я видел сырые осенние переулки, осевшие, ~~железные~~ наспех залатанные дома. Здесь люди не жили, а доживали... И их дома потихоньку разваливались... Отдельные части начинали жить своей, независимой жизнью... Разваливались печные трубы, в большой мраморной вазе беспомощно желтела картофельная ботва... Вся жизнь шла прахом. А рядом, у леса, уже желтели прямоугольники типовых кооперативов, и по вечерам оттуда шли на прогулку упитанные мужчины с крепкими массивными челюстями и красивыми, длинноногими женщинами.

— А однажды, — продолжал рассказывать старый добрый Коля, — один дом лопнул, будто вбили какой-то клин. Фасад подался вперед, а зад остался на месте. Треск был страшный. Я думал, вещи какие посыплется... подбежал, да зря. Только опилки да несколько страничек из старой "Нивы", — он помолчал... — Я их до сих пор храню. На память... Беспечальный город... — он снова усмехнулся. — А еще там был мужик смешной... с чапаевскими усами.

Меня самого всегда удивлял этот человек. И только сейчас я понял, на кого он был похож. Он всегда ходил в длинной офицерской шинели. В любое время суток его можно было застать в буфете. По-моему, он никогда не уходил оттуда. Разве только в кино, на утренний сеанс... Как-то я видел его там. Уже наступила зима. В окошках дрожал слабый, неровный свет, и от этого казалось, что в фойе-заябко.

Съездившись, Чапай сидел в углу и что-то бормотал себе под нос. Беспомощно топорщилась его офицерская шинель. Я проходил мимо и расслышал конец его слов:

— ...простым, как ^{Рос-си} ~~реки~~ и озера... как этот беспечальный

город... Не придумывать себя... Это счастье...

- Странно вы говорите,- сказал я, потому что, закончив, Чапай внимательно посмотрел на меня, как бы призывая к ответу. Но он словно и не слышал моих слов... Куда-то в сторону продолжал он свою безумную речь: "Не мудрствуйте, ибо за многие знания поплатитесь вы печалью великой."

- Он раньше работал учителем,- рассказывал Коля.- Потом сошел с ума. Зачем учить, если в жизни и без того много горя? Пытались его лечить, да так и отступились.

- Знания умножают скорбь...- прошептал я и спросил, чтобы сделать разговор менее грустным:- А где он доставал шинели?

Старый добрый Коля удивленно посмотрел на меня.

- Ты его знал?

- Я жил в Н...

Глаза погасли. Коля налил себе в стакан пива и сказал тихо:

- Это было в С...

Зашумел приближающийся поезд. Я простился и, натягивая на ходу плащ, вышел на платформу. Дул сыроватый ветер, и желтые листья с тополей то ли летели, кувыркаясь, по воздуху, то ли, спотыкаясь, брели по осени. Паровозик свистнул и тронулся. Я успел вскочить на подножку.

На доме сестры, помню, висела табличка с именами жильцов, которые уже давно там не жили. Ненужная никому, она заржавела, но сквозь ржавчину еще проступали призрачные имена.

ГОРОДА И ПОЛЯ РОССИИ

Что я знал о России? Полдесятка городов из бесконечных тысяч, несколько притихших полустанков, да горький дым уходящих поездов...

Я помню...

Маленький катер скользил по заливу и мимо беспечально плыли берега с прекрасными и легкими именами — Английский парк, Александрия... Финский залив — нерусские названия России.

Слепящий блеск дворцов и россыпи фонтанов, гулкая тишина аллей и тихий свет луговых озер, дома, похожие на развалины, и развалины, прекрасные, как дворцы...

А судно скользило в тихой воде, и грязно чернели у горизонта пунктиры фортов.

Пока обошли все сетки, наши баркасы наполнились скользким сверкающим серебром, и это серебро казалось мне продолжением, эхом сказочных берегов. Оно медленно тускнело на воздухе.

Когда повернули назад, подул ветер, и баркасы подскакивали на волнах, и маленькая часовенка на стрельнинском берегу скрывалась почти на маковку, то возникала вся — снова, словно челнок с иглой, сшивая небо, залив и берег, сшивая наши прямоугольные атомные души с минувшими чистыми временами.

А на берегу былолюдно и шумно. Пришли чистить рыбу женщины из поселков, сновали туристы. Они протягивали ры-

бакам поллитры, и те набирали им в кашелки рыбы. Несколько мрачных ребят из ОБХС, шурша плащами, ходили по пирсу и старались не смотреть на эти манипуляции.

— Иголка?— спросил меня голубоглазый начальник участка, и, посмотрев на часовню, нехорошо усмехнулся.— Сшивает, говоришь,— он зло сплюнул.— Нам эта часовня поперек горла стала, строиться мешает, работу делать не дает. Ездят тут... при Петре понимаешь ли, да и хрен с ним, с Петром... То все подряд рушили, то чуть ли не на каждый сортир доски вешают. Рас-се-я...

Да, я о России. Шесть лет я жил в этом легком, как сон краю. Снег, осыпающийся в тишине аллей; Каталная горка, тающая в весеннем небе; поезда— электрической метелью летящие сквозь пугливый сон белой ночи; жаркий блеск большого петергофского дворца... все это было. Словно стремясь заполнить душу смыслом и красотой, бродил я по тихим аллеям Петергофа, подолгу смотрел, как пожилой садовник вычерпывает сачком листья из прудов и каналов, дышал простором, чистотой и немыслимой щедростью давнего времени, и минутами казалось, что и сам я мог стать таким же...

Но я выходил в город, и он оглушал шумом, душил пылью.

В мавританском дворце отдыхали прилежные люди, они шуршали газетами, в назначенный час шли в столовую, фотографировались у статуи Самсона и наизусть помнили таблицы, вывешенные в красном уголке. В них было высчитано: и перепады высот, и длина аллей, были составлены маршруты прогулок, и по этим маршрутам они прилежно гуляли.

А у входа во дворец бродили ленивые собаки, и жирные коты спали на ветках лип.

Скучно было.

Странные, болезненные необычные люди собирались по

вечерам в забегаловках. Они шумели, узнавали друг друга, стремились придумать что-нибудь, но ничего не придумывали, пили и торговали часами с местного завода.

Тревожное ощущение ненужности терзало сердце. Леса, парки и озера делают нас похожими на них. И мне чудилось, что где-то рядом, как слабая музыка, звучит позабытая жизнь. И еще мне казалось, что все это только позолота, что настоящая Россия дальше...

— Петергоф — золоченый ноготь на корявой руке мужика, — вспоминал я и сильно билось сердце, и хотелось, задыхаясь, поднимая холодную пыль, бежать по глубокому снегу к полосатому шлагбауму, туда — в необъятные поля России.

И казалось, что стоит проехать еще несколько сотен километров, стоит встретить еще несколько десятков людей, и мне откроется главное, я увижу ее, сбывшуюся Россию.

В Капорье я попал случайно. Вначале была шумная нелепая свадьба. Жених долго кричал на всю столовую, что если только кто-нибудь скажет — Горько! — то сразу станет его личным врагом. Смущенные гости быстро напивались и потом орали — Горько! Горько! — гораздо громче и вреднее, чем обычно.

Так вот, на этой свадьбе я познакомился со странным человеком, и уже ночью он повез меня в Капорье, рассказывая по пути странные истории. В дороге, как это обычно бывает, я успел позабыть, и куда мы едем, и зачем, и утром, увидев в окне изглоданные войнами крепостные башни, в странной печали сбывания, словно заблудился душой...

— Крепость, — равнодушно зевая, сказал мой приятель. — Князь великий Дмитрий заложил город камен Капорье...

Он снова зевнул.

- Музыка твоя гораздо играть, а шведы танцевать и фортеции отдавать, - переходя к более близким временам семилетней войны, добавил он и закончил. - Капорье, крепость.

Он тоже, наверное, не совсем хорошо помнил, зачем он привез меня, и ждал, что я ему объясню это.

Впрочем, здесь мой странный приятель жил самой обычной жизнью. Поудивлявшись и выяснив мое имя, он повел меня завтракать, а потом пилить дрова.

Нигде, никогда я не видел, чтобы эпохи и времена были перемешаны так, перетасованы, словно колода карт. Крепость то жгли, то снова строили, росли вокруг нее разноплеменные кладбища, на вершины башен, на замирающую в небе высоту наносили землю и там выросли - не обхватить! - деревья.

В старом запущенном парке гремели необлетевшей листвою дубы. Мой странный приятель вел меня по аллеям, по улицам, небрежно повествуя о войнах, набегах и мятежах.

Так мы дошли до старинного помещичьего дома, переделанного немцами в дот. Слепо смотрел он в мир запорошенными белыми глазницами.

Мой приятель увлекся.

- Воронка, - говорил он. - Речка, речушка, но это об нее затупились клинья немецких армий. Впервые в войну остановили здесь...

- Это что! - и он тащил меня домой, вытаскивал из пещурки жес^тяную коробку.

- Смотри, - говорил он, и на стол, стуча и подпрыгивая, сыпались разноликие монеты.

- Вот батыевская, - схватив одну, сказал он. - А это шведская, вот польские, все здесь собрал.

Алюминиевые кружочки третьего рейха и баварские кени-

ги с тяжелыми профилями... чего только не было здесь!

Я взял в руки солдатскую пряжку. Надпись "С нами бог" была перебита осколком мины.

- А хочешь я тебя по кладбищам проведу, - предлагал еще не остывший приятель.

И мы шли по заметным дорогам, меж чернеющих вокруг яблоневых и вишневых садов. На открытых пространствах ветер налетал на нас, бросал в лицо снег, трепал низкие провода культивированных пастбищ.

Неожиданно приятель провалился в снег у обочины.

- Ну их к черту! - сказал он, вылезая из канавы и обтряхиваясь.

- Скучно!

Сразу стало холодно. Уже темнело. В окнах ближайшей деревни желто светились окна.

Дрожал в стаканах дымчатый самогон. Мой приятель беседовал со своим приятелем^М о каком-то общем знакомом, который поселился в полуразрушенном дворце, установил там calorifеры и крал электроэнергию.

На стенах висели темные лики угодников, я встал, рассматривая их. Снова возвращалась надоевшая жизнь.

На подоконнике лежала конторская книга. "Книга истории полей" - было написано на обложке.

- Что это? - сдерживая вздох, спросил я.

- Так... - ответил приятель приятеля. - Так... из-за названия в конторе утащил.

Я раскрыл книгу. Температуры земли, глубина снегов, количества вносимых удобрений покрывали страницы.

Вошел окутанный клочьями мороза отец приятельского приятеля. Он медленно раздевался, медленно усаживался за стол, выпил и сразу ухватившись за нить разговора, загово-

рил сам.

- Нету, братец, порядка,- говорил он, стуча протезом по полу.- Вон в Рамбове немец вкалывал... Еще с плена /он потом не вернулся к себе в Германию, здесь женился.../ на асфальтовом катке до пенсии вкалывал. Ни разу в ремонте не был... Вот это я понимаю- культура! Опрятность в таком деле есть... А мы...- он безнадежно махнул рукой.

Однажды, еще в бытность студентом лесотехнической академии, я наткнулся в библиотеке на послевоенное издание определителя пороков древесины. Среди прочих дефектов обозначалось там и наличие осколков в стволе- такие деревья подлежали немедленной выбраковке.

Воздух России. Он исходит от израненных полей и лесов.

О том ли говорили мои знакомые?

- Вот, смотри,- сказал я приятелю, когда он встал и подошел ко мне.- О нем ведь можно, наверное, роман написать.

Инвалид услышал нас.

- Ну да?- удивился он.- Да таких, как я, ведь миллион будет. Вот если бы посмотрели...- он зажмурил мечтательно глаза и допил самогон.- До войны бы посмотрели, когда я на двух ногах был... вот тогда...

Уже поздно ночью мы ушли из этого дома. Нужно было попадать на поезд. Грозно чернели над нашими головами крепостные башни. Кто-то сравнивал крепость с кораблем. Она действительно похожа на корабль, тонущий в горьких веках.

- Всепрощение,- уже в поезде думал я.- Вот воздух России.

- Только у нас были юродивые,- вздыхал приятель.

Страна юродивых, страна жандармов... Россия... Родина...
Да, воздух... этот воздух исходит от израненных лесов, от
травы, заглушившей траншеи... И вспоминались уже забытые
стихи: "Оранжевое дерево- Ораниенбаум, раненое дерево Ора-
ниенбаум..."

АФОНЯ С БОЛЬШОЙ ЖЕЛТОЙ ПАПКОЙ

Пивной ларек стоял высоко над платформами. Внизу шумели торопливые электрички, здесь же все было тихо, подолгу стояли в медленной очереди за пивом и вели необыкновенные разговоры. Дела латино-американских стран и транспортные проблемы Токио одинаково глубоко волновали посетителей ларька. Весьма странные люди блистали здесь эрудицией, но все они, как только появлялся Афоня, скучнели, становились ординарными.

Афоня- станционный дурачок- нигде не работал и, наверное, поэтому почти не интересовал местные власти. Штрафуй его, не штрафуй- Афоне было глубоко безразлично.

- Я птица!- говорил он начальнику линейного отделения милиции. И действительно, как у птицы, у него не было ничего... Разве только потрепанная желтая папка. Но и папка почему-то не заинтересовала милиционеров, и, покормив Афону, его изгоняли из участка обратно в овраг.

Когда-то он имел квартиру, жену и должность... Но от должности он отстал, когда понял, что рожден птицей, жена сама ушла от него, не в силах больше наблюдать за превращением человека в птицу, а квартиру Афоня сам сжег.

По этому поводу мнения в ларьке расходились. Одни считали, что дом он сжег по пьянке, другие объясняли поджог с чисто идейных предпосылок. По их словам получалось, что однажды под ^{бодрые} бурные звуки утренней зарядки Афоня разжег костер, полюбовался на него, а потом пошел будить соседей.

- Горим,- миролюбиво сообщил он им и исчез в неизвест-

ном направлении, зажимая под мышкой большую желтую папку.

После этого Афоню попробовали посадить в сумасшедший дом, но там своими безумными речами о просторах Российских он так засмущал обслуживающий персонал, что двое врачей подали на расчет, а остальные как-то странно завздыхали и заглядывали печально на карту страны, висевшую в кабинете у начальника.

Главный врач сокрушенно развел руками и, чертыхнувшись, выпустил Афоню на волю.

Афоня уже и жил как птица. Пропадал всю зиму и только весной по зеленой траве возвращался в овраг.

Самые невероятные истории неизбежно связывались с Афоней. Если бы он был героем хотя бы половины из них, ему при жизни полагался бы памятник от людей всех вольных профессий нашей страны.

Я помню, как один пьяный объяснял жене исчезновение громадных часов, которые он нес в ремонт.

— Понимаешь, — говорил он. — Милиция... ну мы все и прятались кто куда, когда уехали фуражкины, вылез... нету уже часов... продал их Афоня за десятку.

Жена спустила воинственный батог и рассказчик воодушевился.

— Вот так, — начинаю шуметь, а он мне — К чему, говорит, часы тебе, живи вольно, как птица. Костры жги, гнезда вей на деревьях, а время и по солнцу видно.

Пьяный икнул, но тут же спохватившись продолжал:

— Я кричать, а они сволочи уже вторую бутылку открывают. Не стерпел я, как лев, на них бросился, отстоял свою долю.

Он замолчал и спросил: — Не веришь?

Все в этой истории было ложью. И близко в тот день милиция не подходила к буфету. Но видно, настолько была несуразность Афоня велика, что все сходилось в понимании обманутой жены.

- Иди уж,- сказала она и легко подтолкнула мужа к дому.

Так и жили. Днем пили в буфете или искали необходимые для этого рубли, а ночью спали в густых лопухах оврага. Дурной пример- это всем известно- заразителен.

А на другой стороне оврага стоял пионерлагерь, и директор его, возмущенный нестихающим пением, настоял, чтобы засыпали овраг мусором.

Афоня спал на самом дне, но все-таки как-то умудрился выкарабкаться оттуда первым, и долго потом кричал с крылечка буфета своими безумные речи.

- Смотрите!- кричал он.- Гибнут гнезда птичьего племени! Гибель кругом! смотрите!..

Люди с испитыми лицами вылезали из оврага и, матюгаясь, выковыривали мусор из запутавшихся волос. Шоферам потом объявили по выговору, и на том дело и кончилось- дождь смыл с лопухов пыль, и по-прежнему зазывающе зеленели они.

Но вот Афоня с этого дня стал меняться. Он уже не ночевал в овраге, и только днем ненадолго появлялся у буфета. Серебрилась, текла в разные стороны его борода.

- Ну и ну,- удивлялись у буфета.- Не Афоня, а член государственной думы.

- А что,- отвечал Афоня.- Будь я членом государственной думы, так и революция бы не понадобилась. Издал бы указ, чтобы всех на должности спешащих за город вывезли,

а оттуда пускай бы своим макаром добирались, кто какую должность наперед захватить успеет.

- Афоня,- говорили ему.- Опомнись, Афоня. Ведь так спортсмены бы всю власть присвоили, ведь пропали бы.

- Ничего,- успокаивал Афоня.- Хуже бы не было.

И крепче прижимал к себе желтую папку.

Эта папка привлекала всеобщее внимание, и, наконец, ее выкрали у Афони. Выкрали просто так, на спор. Посмотрели и выбросили, потому что ничего интересного там не оказалось, только бумага, исписанная с обеих сторон какими-то непонятными значками, ни на буквы, ни на интегралы непохожими.

После этого и пропал Афоня. Будто сквозь желтые листья провалился, в ту осень особенно щедро покрывавшие землю.

Наверное, надо рассказать, почему этот ларек привлекал к себе внимание халывщиков всех окрестных селений. Причина была более простая, чем можно подумать. Он открывался в шесть часов утра, и перед работой даже жители отдаленных районов успевали здесь опохмелиться. Они приезжали сюда на первых электричках и ожидали продавщицу, скоро, белая и толстая, появлялась и она. Но вот привилегию отменили, и ларек стал быстро терять свою привлекательность. Нет, уже не те, не те люди собирались здесь, не было уже прежнего блеска странности и неординарности...

Скоро и я уехал отсюда, и снова попал почти случайно. Уже давно пришла пора уезжать из этих краев, но не было денег. В глухом отчаянии скитался и по пригородам Ленинграда, пока снова не попал в этот поселок.

На бугре рядом со стареньким ларьком построили новый,

сверкающий стеклом и краской. Но, как и раньше, прикрыв лицо кепкой, дремал рядом с ним человек.

Сразу за буфетом глухой стеной стояли сады. Они сильно загустели, и я уже не узнавал их. Упали в садик подгнившие оградки, все перемешалось, перепуталось, и нельзя было понять тропинки, которые то и дело упирались в непроходимые заросли, в интимные зады домов.

Иногда неожиданно близко возникала вода залива— она тяжело покачивалась, и осенняя прохлада чуть слышно холодила лицо.

Уже вечерело, когда, отчаявшись разгадать запутанные, как жизнь, тропинки, вернулся к платформам.

Там сидел закутанный в лохмотья человек, а рядом лежала желтая папка.

—Афоня!— закричал я.

—Все мы Афони,— ответил человек и повернулся ко мне лицом.

Я вздрогнул от испуга: прямо на меня смотрели круглые багровые глаза, заострившийся нос тускло поблескивал, как клюв птицы.

— Ты изменился, Афоня,— грустно сказал я и отвел глаза в сторону.— Ты совсем стал похож на птицу.

— Я птица,— как обычно, ответил Афоня.

— Я знаю,— сказал я.— Теперь—то куда собираешься?

— Туда,— ответил Афоня и неопределенно потрянул одеждой.

— Афоня,— засмеялся я.— Ты в небо показываешь...

Он не ответил. Встал, напряженно прислушиваясь к чему-то.

— Не скоро еще электричка,— сказал я.— Я смотрел, не скоро еще.

— Нет,— сказал Афоня.— Пора...

Я тоже посмотрел на небо и увидел птиц, летящих к платформам.

- Пора, - повторил Афоня и взмахнул своими лохмотьями...

И тут мне почудилось, что это не лохмотья, а оперенные птицы, что расправив их, Афоня взлетит в холодное осеннее небо.

Он добежал до края платформы и остановился. Птицы уже исчезли вдали.

- Не получилось, - смущенно сказал Афоня.

Я отвернулся. Обнаженно белели станционные березы. Летели по ветру желтые листья, они падали в воду и долго плавали там среди отражений семафоров и дорожных знаков, плавали вопреки всем уставам и расписаниям.

Я уезжал навсегда.

Ссутулившись, Аркаша сидел напротив и смотрел в окно.

Снова показалось шоссе. Уже вереницы такси, мигая зелеными огоньками, мчались в сторону Рубищ...

- За картошкой.

- Уродилась она в этом году, - тихо откликнулся Аркаша и спросил. - У тебя нет случайно ножного точильного станка?

- Нет.

- Жалко, - сказал Аркаша. - А то бы повесил его на плечи и пошел бы по деревням, по России.

Он тяжело вздохнул.

Златые горы перелесков толпились вдоль путей.

- Значит опять на консервацию? - безнадежно спросил Аркаша.

Я пожал плечами. Было грустно

РЕЙС В ДРУГУЮ СТОРОНУ

Я хорошо знал этот поезд. Старенький, он устало, но исправно таскал старенькие вагоны на участке Ораниенбаум— Старые Рубища Октябрьской железной дороги.

Как-то странно случилось наше знакомство... Я ошибся, хотя ошибаться было нельзя— рядом стояли: деловая электричка и этот тяжело сопящий родитель ее. А я сел именно на паровозик.

Поползли мимо поселки, поля, рощи, окутанные тишиной и вечерней прозрачностью, и было страшно сойти, боязно нарушить движение души в глубину левобережья.

Белый пар медленно расползлся по косогорам, и белые ключья его долго не таяли за стволами сосенок.

А потом поезд побежал над лентой шоссе. Светясь зеленым зрачком, катилось рядом пустое такси. Зачем? От Ораниенбаума прошло уже километра три, а в Ораниенбаум, как я хорошо знал, таксисты ездят очень неохотно.

Растерянно смотрел я на голубое поле залива. Там, вдали, почти у самого горизонта грозно дыбились серые громады фортов.

А такси по-прежнему двигалось рядом с поездом, не отставая и не обгоняя его.

И рассматривая внимательно зеленый огонек, я понял, почему не сошел с поезда, не вернулся в Ораниенбаум.

Душа отдыхала в бессмысленном движении.

И я почувствовал симпатию к обезумевшему таксисту, захотелось рассмотреть его лицо, но с поезда был виден только

локоть, небрежно лежащий на открытом окне, да край закатанного рукава.

Я поспешил поделиться своими соображениями с соседом — в безумном поезде можно высказывать и мысли самые безумные — думал я.

Сосед внимательно выслушал и скучновато сказал:

— За картошкой в деревню едет.

На всякий случай я спросил:

— Вы в Рубище живете?

— Нет! В гости...

У меня отлегло от сердца. Городок не мог ^{бы} быть сумасшедшим, как этот таксист, этот поезд, если бы в нем жили такие скучные люди.

Ведь это надо же придумать: картошка в середине июня!

А городок действительно был с отчетливой сумасшедшинкой.

За рыбозаводом на висячем мостике я перегнал очкастого парня. На плече у него стоял громадный ящик с консервами "рыбные тефтели".

— Вы ведь и за год их не съедите, — пошутил я.

Парень внимательно посмотрел на меня и сказал; перекладывая ящик на другое плечо:

— А я сей год помирать не буду.

Он покачнулся и схватился свободной рукой за мой рюкзак /мы ходили в поход/.

— Ага... — сказал он ехидно. — Бутылочками промышлять идешь, — и добавил, обращаясь куда-то в пространство. — Вот молодежь пошла!

Я поспешил отойти.

На краю городка за досчатым столом играли в домино.

Один был в милицейском кителе. Когда я подошел, он хлопнул костью по столу и сказал:— Рыба. Потом подошел ко мне и протянул руку.

— Аркаша.

Растерянно пожимая ее, я ответил:

Николай.

Ты не за бутылками?— разглядывая мой рюкзак, спросил Аркаша.

Ответить я не успел. Партнеры зашумели /это показался молодой человек с тефтелями/, и Аркаша вернулся к столу, наскоро пояснив мне, что тефтели, весь ящик, молодой человек проиграл в домино.

За какими бутылками?

Недоумевающе я огляделся вокруг. Все было тихо. Лишь вокруг ~~мешка~~ для сушения белья, обнесенного толстыми столбиками, бегала собака и как-то непривычно часто задирала ногу.

Невдалеке, на строительной площадке сидели мальчишки и толкли кирпичи. Те, которые уже закончили свой труд, вдохновенно мазали красной пылью лица.

Бутылок я так и не нашел..., но зато встретил хорошую старушку. Сгорбившись под тяжестью мешка, она шагала к станции.

— Не ходи, сынок,— сказала она.— Нынче я все выбрала, нынче неурожай, ты завтра приедь.

По дороге она рассказывала, что вот уже третий год с начала стройки кормится она вокруг нее, и не только она кормится.

— Конечно...— размышлял я уже в поезде.— В удивительном городе и жизнь должна быть удивительной... Но хорошо, если

здесь буду жить и я.

Предчувствия мои оправдались. Через год я поступил на службу на базу консервации автомашин и стал жить в этом городе. За год он заметно увеличился. Открыли даже новую станцию— Новые Рубища. Была она на том же самом берегу, что и город, но речка так коварно извивалась, что переходить ее приходилось дважды. Да к тому же и мосты не полагались.

Проводницы то ли насмешливо, то ли забывчиво объявляли:— Молодые Рубища. Всем было очень смешно.

Два года провел я в этом городе, но так и не понял, за что платили мне жалованье. База консервации, где я служил, располагалась в хорошем, чистом лесу. Летом здесь пели птицы, а зимой шуршал осыпающийся с сосновых веток снег— других звуков мы не знали.

Два ГАЗа: один без колес, другой без мотора бессменно стояли в чистеньком дворике. Мы охраняли их.

Начальство позабыло о нас и саму базу консервации.

А мы не напоминали о себе. Даже в отпуска не просились: уезжали, когда хотели; возвращались, когда получалось.

Впрочем, довольно регулярно мы встречались у окошечка кассы.

Вначале нас было трое. Потом штат укомплектовали— пришел еще Аркаша.

Я обрадовался ему. Но он удивленно переспросил:

— Какие бутылки? какое домино? при чем тут милиция?— и добавил обиженно:

— Хочешь, я тебе паспорт покажу?

Он полез в карман, но не нашел паспорта...

Я хотел узнать его фамилию, но как узнаешь? Толстую

книгу, в которой мы должны были расписываться во время приема поста, я уже давно издержал на рассказы, а новую попросить было не у кого.

Мой сменщик, высокий молодой человек, встретил меня как-то на улице и сказал: "Слышал я, что нашу базу передали кому-то..." — он озабоченно сжал пальцами подбородок и вздохнул. — А вот кому?... Позабыл.

Это был тот самый юноша с консервами.

Таким образом фамилию Аркаши я и не смог узнать.

Кроме них, на базе работал еще один парень. Наверное, он был художником. Потому что, во-первых- нигде больше не работал; во-вторых- ходил в бороде; в третьих- я иногда находил в нашем домике скомканные рисунки.

Один мне очень понравился. Несколько сосен, хорошо прорисованных карандашом, и над ними желтое пятно в каком-то скользком, мутноватом тумане- настоящее зимнее солнце.

Зачем ты его выбросил?- спросил я.

Испортил, — ответил парень, разглядывая рисунок. — Видишь, яйцо разбил.

Он пожевал клочок бороды, попавшей в рот, и добавил задумчиво. — Яйцо я съел.

Хорошие были ребята... Но все же странности смущали меня иногда. Ведь, наверное, что-то строили в этом удивительном городе.

В полукилометре от нашей базы, в ложине как-то странно толпились зеленые бараки. На каждом висела почти мраморная доска с золотыми буквами МСУ-90, СМУ-34, СУС, РСУ-26

Однажды в столовой я попытался разобраться в них.

— Это просто, — сказал мне загорелый парень, к которому я обратился за помощью. — Объект №124 строится СУСом,

но СУС— это генеральный подрядчик, а МСУ, РСУ, СМУ— суб-подрядчики. Понятно?

— Не очень...— сознался я и предложил— Давай разберемся по порядку, вот ты, например, где работаешь?

— В Навои.

— Как так в Навои?

Парень засмеялся.

— Ну это же просто. В Навои находится СМУ-62, и СМУ-12— тоже субподрядчики СУСа. Когда СМУ-12 не хватило слесарей-сборщиков, оно попросило их у СУСа, и то дало им их из СМУ-34, но взамен потребовало у СМУ-62, сварщиков, чтобы на объекте №24 хоть что-то делалось. Вот я и приехал сюда. Понятно?

— Понятно.

Я вздохнул, припоминая, что один мой знакомый по поезду тоже рассказывал о командировке в Навои.

Вскоре после этого разговора мне случилось снова проходить мимо управленческих барачков. И, взглянув на них с пригорка, я наконец-то понял, в чем заключалась странность их размещений. Они не толпились... Нет! Казалось, что они улеглись среди сосен и заснули, и просыпаться им не хочется.

Аркаша вскоре уволился и снова встретил я его в нашем удивительном поезде. Он играл в преферанс и на моряцкой кепочке его сиял золотой краб.

— Слушай,— сказал я, подсаживаясь.— Наверное, в будущем году я увижу тебя в мундире вице-короля Индии.

Аркаша задумчиво посмотрел в окно. Белые березы летели навстречу поезду, и ветви их задевали вагон.

Подшли контролеры, и Аркаша молча протянул им пропуск на Кировский завод.

— Девятая, — шепнул он мне, пряча квитанцию за обшлаг фуражки. — Десять будет, в Астрахань поеду.

Он не оправдал моих надежд.

Когда рассчитывались с базой консервации и получив компенсацию за два неиспользованных отпуска, с тюком вохровской одежды, полученной в придачу, я в последний раз ехал на поезде, пахнущем осенью и грибами, я снова встретил Аркашу.

Нет! Он не стал вице-королем Индии. И было грустно за него. Он мог бы.
